

Дмитрий Чурилов

Там, где цветет саксаул

Дмитрий П. Чурилов

Там, где цветет саксаул

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=52006594

Д. П. Чурилов. Там, где цветет саксаул: ООО «Издательство «Перо»;

Москва; 2020

ISBN 978-5-00150-921-9

Аннотация

Выпускник военного училища Роман Погодин прибывает для прохождения службы в Среднюю Азию. Оказавшись в непривычном для него регионе, он сталкивается с особенностями условий жизни военных городков Туркмении и обычаями местных жителей.

В перестроечные для Советского союза годы, в последствии, ставшими для него роковыми, главный герой попадает в различные сложные и необычные ситуации, из которых ему приходится выпутываться, используя смекалку и приобретённые навыки.

Содержание

Глава № 1. Почтово-багажный Ташкент – Красноводск	5
Глава № 2. Ханджар, Янтак и поросёнок в придачу	20
Глава № 3. Там, где цветёт саксаул	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Дмитрий Чурилов

Там, где цветет саксаул

© Чурилов Д. П., 2020

* * *

Глава № 1. Почтово-багажный Ташкент – Красноводск

Встречный ветер движущегося почтово-багажного поезда Ташкент – Красноводск ничуть не освежал и не охлаждал высунутые в открытую форточку руки или голову, как это бы происходило в центральной полосе России, внутри вагона некуда было деться от горячего воздуха, стоявшего плотной стеной, кондиционеры и какая-либо вентиляция не работали, пот тонкими струйками стекал под рубашкой, периодически выступая на лбу и лице Романа, сидевшего на второй полке купейного вагона.

Купейный вагон с окрашенными в тёмно-синий цвет облезлыми стенами создавал мрачное, неопрятное впечатление. Плохо выметенный пол купе и коридора вагона не был выстелен дорожкой и ковриками, настолько привычными в других поездах, движущихся на всей территории страны.

Пассажиров в предпоследнем купе вагона было всего двое – Роман и старый туркмен, каких обычно называют «бабаями», что в переводе означает дед, аксакал в этих краях, который занимал нижнюю полку, периодически соскакивал на пол и, подстелив коврик, молился, что-то шепча и перебирая чётки.

Роман в случае, когда надо было выйти из купе, спустился

шлись вниз, всё время боялся наступить старику на спину. Они ехали так уже почти сутки с самого Ташкента. Сначала в вагоне их было всего двое, только потом он заполнился по ходу движения. Крайнее купе с отверстием, проделанным в сторону туалета, размером с трёхкопеечную монету было до сих пор свободно и было предназначено, наверное, для каких-то специальных пассажиров, так как порядок посадки и распределения мест определял толстый туркмен-проводник. Роман, проживший уже больше недели в Ташкенте, понемногу начал привыкать к порядкам, существующим в Средней Азии советского периода восьмидесятых годов.

В конце июля после выпуска из высшего военного авиационного училища и последующего за ним летнего отпуска лейтенантам Сергею Варламову и Роману Погодину следовало прибыть в штаб воздушной армии Туркестанского округа.

Погодин вылетел из Домодедовского аэропорта и рейсовым самолётом Ил-86 с просторными сиденьями в три ряда за три часа долетел до аэропорта Ташкента, когда стюардесса уже в час ночи объявила, что за бортом плюс тридцать пять градусов. Сошедший по трапу Роман почувствовал себя в финской парной, нагретый от бетона и работающих двигателей самолёта воздух достигал наверняка пятидесяти градусов.

Потом с лейтенантом-попутчиком, сняв галстуки, бесконечно пили газводу из автоматов и, поселившись в аэропортовской гостинице, пытались уснуть, периодически поливая

простыни водой из-под крана. Утром, согласно предписания, надо было явиться в штаб для доклада о прибытии к новому месту службы. Есть не хотелось, но встретивший их капитан, по-дружески посоветовавший надеть галстуки, предупредил, что если они сейчас не перекусят, то днём тем более не захотят есть из-за жары. Роман вместе с попутчиком и капитаном, летевшим из Афганистана в Союз на побывку, заказали по порции горячих и сочных люля-кебабов, пересыпанных сверху луком, и по пиале зелёного чая.

Потом была поездка в штаб округа, куда он приехал вместе с лейтенантом-попутчиком к восьми утра, но, не увидев голубого канта на форме других, таких же молодых офицеров, он понял, что попал не туда. В бюро пропусков Роману объяснили, куда ехать, и только к обеду он оказался в нужном районе Ташкента, расположенном совсем на другом конце большого города.

Когда, уже побывав на первом собеседовании, Роман вышел с территории штаба и издалека увидел большого человека в насквозь промокшей офицерской рубашке с погонями лейтенанта, он сразу же узнал своего друга, которого не видел чуть больше месяца.

Сергей Васильевич Варламов, прозванный по-дружески на курсе Ломом за своё богатырское телосложение и весёлый добродушный нрав, был профессиональным спортсменом, имел звание кандидата в мастера спорта по вольной и греко-римской борьбе в тяжёлом весе, вопроса о месте служ-

бы для него не существовало. На собеседовании, проводимом по выпуску из училища, он без колебаний назвал Афганистан.

В зону боевых действий на территории государства, граничащего с Узбекистаном, офицеров направляли из Туркестанского округа, пересыльный пункт для отправки туда находился около штаба воздушной армии.

Лом приехал на два дня раньше Романа, проживал в двухместном номере заводской гостиницы от Антоновского авиазавода, знал, где можно в Ташкенте искупаться, вкусно пообедать и купить хороших недорогих фруктов, которые в изобилии продавались чуть ли не на каждом шагу.

Друзья, не раздумывая, купили винограда без косточек, продолговатую дыню, сочных персиков и поехали на Комсомольское озеро с мутной от песка, как и во всех среднеазиатских водоёмах, но прохладной и освежающей водой. Искушавшись и полакомившись экзотическими фруктами, Роман с Ломом поехали в ресторан, размещавшийся в центре города на первом этаже одного из современных высотных зданий города.

После разрушительного землетрясения 1966 года через двадцать лет Ташкент фактически был выстроен заново и в 1985 году представлял собой каскад современных красивейших высотных зданий в центре города, выдерживающих двенадцати балльное землетрясение и одноэтажных, убогих построек на его окраине. В таком нелепом сочетании роскоши

и бедноты жители города обвиняли прежнего руководителя Узбекской ССР Шарафа Рашидова, олицетворявшего коррупцию и кумовство в застойные брежневские времена, впоследствии приведшие к краху и развалу Советского Союза.

Просторное с хорошей меблировкой помещение удачно вписалось в архитектуру здания, одетые в национальные узбекские костюмы официанты приветливо выслушивали заказ, но при просьбе принести алкоголь отказывали наотрез: шёл июль 1985 года, антиалкогольный курс Михаила Сергеевича Горбачёва набирал обороты, водка и вино практически нигде не продавались, антиалкогольные свадьбы, банкеты и другие увеселительные мероприятия с боржоми и лимонадом, столь несвойственные русским людям, широко освещались в прессе и на телевидении в угоду руководству страны.

Лейтенанты, посетовавшие на новые порядки, пожалели, что приехали в форме, потому что по виду, с которым им отказывали в алкоголе, они поняли, что Ташкент – это всё-таки не Россия, и чайничек с горячительными напитками им бы принесли, имей они менее официальный вид.

Пужинав узбекскими шашлыками и безалкогольной пепси-колой, они поехали в гостиницу, особенностью которой были спартанские условия. Кондиционеры в номерах отсутствовали при том, что даже ночью летом температура в городе не опускалась ниже плюс тридцати пяти градусов. Отсутствовали в номерах какие-нибудь столики, шкафы для одежды. Мебель комнатки, какую снимал Сергей, состояла

из двух коек-«полуторок», двух прикроватных тумбочек и стоячей вешалки.

Спать ночью было невыносимо жарко, выспаться было практически невозможно, но все эти неудобства компенсировались невысокой платой и удобным расположением гостиницы.

Романа с Сергеем это устраивало, они надеялись, что это максимум на двое-трое суток.

Варламов получил распределение на следующий день после приезда Романа в Ташкент, его назначили вместо Афганистана в город Карши командиром учебного взвода школы младших авиационных специалистов, по сравнению с другими вакансиями должность считалась блатной (1). Карши в то время считался одним из самых современных городов Узбекистана.

Роман просидел в Ташкенте больше недели, ему никак не могли подобрать должность. Штабной офицер, учитывая существующий в войсках дефицит таких специалистов, подбирал для Погодина должность инженера по электрогазовой техники. Сначала офицера хотели направить в Тузель, «придворный» аэродром Туркестанского округа, но там вакансию надо было ждать чуть ли не полгода и всё это время находиться за штатом. Роман тогда ещё не понимал к чему это может привести, только потом, намного позднее, уже к окончанию службы понял, когда не досчитался к общему стажу прослуженных льготных дней и месяцев.

В начале августа Погодину выдали предписание, определив ему место службы в пограничной зоне с Ираном, посёлке Ак-Тепе.

Ак-Тепе, в переводе с Туркменского «Белая гора», находился в двадцати километрах от Ашхабада, добраться до него можно было поездом, так Роман и оказался в почтово-багажном поезде Ташкент – Красноводск, идущим на запад к Каспийскому морю.

Скорые поезда делали остановку только на больших станциях, а почтово-багажный кланялся каждому столбу, развив почту и багаж в пристанционные узбекские кишлаки и туркменские аулы, останавливаясь на всех маленьких станциях и полустанках.

В Каракумах полустанки часто состояли всего из одной или двух юрт (2), поставленных прямо на песок около железной дороги, рядом с ними дымили тындыры (3), бегали и игрались в песке чумазые голые дети, за которыми, как казалось, никто не присматривал.

Позади юрт стояли двугорбые верблюды, задрав морду и переминая что-то своими толстыми губами, они внимательно смотрели на подошедший поезд. Почтальоны пустыни, подумал Роман, смотревший на них из окна своего купе, наверняка их пригнали сюда за багажом, который они понесут дальше на своих горбах вглубь пустыни.

Однажды Погодин случайно стал свидетелем интересного случая. Во время обеда в вагон-ресторане, куда он пошёл

съесть украинского борща после успевших надоесть острых узбекских блюд, поезд вдруг остановился в степной местности, поросшей невысокой зелёной травкой, какое либо строение, свидетельствующее о наличии станции или полустанка, отсутствовало.

Как только поезд остановился, официант нырнул в тамбур и, по всей видимости, открыл дверь вагона, опустив тамбурную лестницу. Роман с интересом наблюдал. Через некоторое время по лестнице кто-то поднялся, и в вагон вошёл высокий человек с коричневым от загара, выдубленным на ветру лицом. На вид ему был около шестидесяти лет, одет он был в стёганый восточный прокопчённый халат светло-синего цвета с едва просвечивающим через налёт копоти золотистым национальным рисунком, брюки-шаровары, зауженные книзу и заправленные в сапоги из толстой, но мягкой кожи, на голове этого человека была непривычная в этих местах тюбетейка, а высокая каракулевая папаха, никак не сочетавшаяся с жарой под сорок градусов на улице.

Как потом понял Роман, это был чабан, представитель одной из древнейших и почётных профессий в Средней Азии, связанной с чрезвычайными трудностями. Чабаны годами в любую погоду, днём и ночью пасут овец, численность которых исчисляется сотнями, а то и тысячами, их домом является степь, одеялом и подушкой – халат с папахой, питаются они бараньим мясом и родниковой водой. Каракулевые папахи, так присущие их костюмам, защищают их от жары, со-

здавая микроклимат внутри и охлаждая голову.

Чабан останавливает поезд только в исключительных случаях, иногда для пополнения запасов еды, в основном хлеба.

Не успел пастух сделать и двух шагов, пройдя в вагон, как к нему подскочил повар с рюмкой водки и лавашем на подносе. Чабан залпом опрокинул стопку, вытер рукавом халата губы, что-то сказал на узбекском языке, взял у официанта уже заранее приготовленную авоську с дюжиной буханок ржаного хлеба, развернулся, вышел из вагона и спустился по тамбурной лесенке, махнув рукой машинисту.

Почтово-багажный тронулся и, медленно набирая скорость, покатил дальше...

В начале второго дня пути проехали находящийся на границе Туркмении город Чарджоу и почти полуторакилометровый мост через Сырдарью. Сама река не так широка, но, несущая с собой тонны песка, постоянно заливается и меняет русло. Паромная переправа, проходящая под железнодорожным мостом, должна иметь проходной фарватер, который углубляется постоянно работающими земснарядными-пескососами, поэтому пойма Сырдарьи в месте переправы достигает километровой ширины.

После Чарджоу началась пустыня – барханы, поросшие саксаулом, только в своём центре Каракумы имеют обширную зону Репетекского заповедника, где отсутствует растительность и вашему взору предстают горы чистого жёлтого

песка с вьющейся на самом верхнем гребне барханов змееобразной дорожкой.

Впоследствии Роман узнал, что Репетекский песок ценится в строительстве очень высоко, триллионы кубометров лежат в загашнике пустыни, представляя собой несметные сокровища.

Песок оттуда вывозили тоннами, продавая по сто советских рублей за семикубовый самосвал. Сколько это составляет сегодня, трудно представить с учётом непрекращающейся инфляции, а тогда это была средняя месячная зарплата советского гражданина.

Из окна поезда, сколько хватает видимости, до самого горизонта песок, песок. Сколько пустынь на планете Земля! Из чего состоит планета – песок и его образования: глина, камни, известняк и другие породы, глубина плодородного слоя очень мала в сравнении с глубиной слоя таких образований. Откуда он взялся? Может быть, это отложения космической пыли, собранные за миллиарды лет, а почему она тогда на Земле жёлтая, а на Луне серая? Лучше, наверное, не думать об этом, это как философия: чем больше знаешь, тем больше хочется узнать, и так до бесконечности, а где сама бесконечность?..

Стало ещё жарче, вагон заполнялся пассажирами, но в купе, где ехал Роман со старым туркменом, никто не заселялся, наверное, из-за бабая, чтоб не мешали ему молиться, думал Роман.

Ночью почтово-багажный поезд прибыл в областной город Туркмении Мары, остановка была продолжительной. Забрав коврик и свой небольшой багаж, бабай сошёл с поезда, что-то выкрикнув на прощание. Погодин приветливо попрощался и пожелал ему хорошего пути, подумав, что ехали вместе почти двое суток.

Оставшись один, Роман залез на вторую полку и, пользуясь хоть какой-то ночной прохладой, тут же уснул. Проснулся он поздним утром, услышав внизу голоса, понял, что его купе заселили. На нижних полках сидели, негромко разговаривая, двое: русская женщина лет сорока и мужчина-туркмен примерно такого же возраста, одетый по-европейски. Увидев, что верхний пассажир проснулся, они приветливо поздоровались и пригласили вместе пить чай.

За чаем Роман узнал, что женщина едет из Бухарского санатория имени «Ситора и Мохи Хоса», известного на весь союз как лечебный центр почечных заболеваний, основным фактором которого являлся сухой жаркий Бухарский климат, заставляющий выводить жидкость из организма путём потовыделения, разгружая при этом деятельность почек, давая им отдых.

Мужчина оказался специалистом в области нефтедобычи и ехал в Красноводск с отпуска.

После обеда за окном через каждые десять, пятнадцать километров потянулись пограничные заставы, они находились от поезда на удалении не больше пяти километров, их

белые домики контрастно выделялись на фоне появившихся вдали очертаний гор Иранского хребта.

Почтово-багажный поезд въехал в приграничную зону с Ираном, теперь при каждой остановке около выхода каждого вагона находился солдат-пограничник для контроля выхода и посадки пассажиров.

Роман, мучаясь от жары на своей полке, незаметно уснул. Когда он проснулся, уже вечерело, Людмила Ивановна, так звали женщину-попутчицу, сказала, что пока он спал, была пограничная и таможенная проверка, но его не стали будить и проверять, так как он был в офицерской форме.

Когда уже стемнело, проводник предупредил Погодина о подъезде к его станции, Роман решив уточнить, спросил:

– Ак-Тепе?

– Ёк, ёк, Ок-Тепе, – подтвердил туркмен, сделав ударение на букве о.

Через некоторое время Роман вышел из вагона с двумя чемоданами. На станции вокзала большими буквами светилось слово Г,ОкТепе. Как-то не так, подумал Роман, наверное, по-туркменски.

Было уже поздно, на станции почти никого не было, узнав, где гостиница, Погодин направился к недалеко стоящему домику и, увидев на освещённой террасе двух русских женщин, облегчённо вздохнул. У них он выяснил, что, оказывается, он приехал не в Ак-тепе, а в Геок-Тепе, по-туркменски «Зелёная гора», и до аэродрома ему ещё ехать двадцать кило-

метров, но сейчас уже поздно и никто не повезёт, поэтому лучше ему заночевать в гостинице, где он уже находился, а утром они его посадят на такси, и он доберётся до своего пункта назначения.

Он не стал возражать, заплатил и прошёл в свой номер, быстро разделся и лёг на кровать с чистыми белыми простынями, с наслаждением ощущая, что земля под ногами не движется, а стоит на месте. В комнате даже было прохладно, и Роман понял, что он наконец-то выспится. Он выключил свет и вытянулся на кровати, чувствуя, как его тело начинает расслабляться. Он уже почти заснул, когда почувствовал, что его кто-то укусил, потом ещё, ещё, и вдруг он почувствовал, что почти всё его тело подверглось нападению каких-то насекомых. Он со страхом вскочил и включил свет. Всё было тихо, никого не было видно, он выключил свет и лёг на постель, и всё повторилось опять, он опять вскочил и включил свет – никаких следов.

Он, конечно, догадался что это были клопы, которые никогда до этого его не кусали, он вспомнил, что они кусают только новеньких, своих не трогают.

Пришлось спать с включённым светом. Роме казалось, что он лежит и весь выкручивается, стараясь, чтобы полчища маленьких красных насекомых проползли мимо него, что он выгибает спину, а они ползут под ним, ему очень тяжело держать так спину и сейчас он опустится на них, а полчища всё ползут и ползут под ним нескончаемым потоком. Наконец он

не выдерживает и опускает спину прямо на гадких насекомых. Он с хрустом мнёт их, и под спиной растекается красное пятно, каждое насекомое, жирное от крови, от его крови, которую они выпили из него, и теперь клопы ползут уже по животу, груди, направляясь к лицу.

Солнечный луч коснулся лица, и Роман проснулся, весь мокрый от холодного и липкого пота. Он лежал на кровати на белой и чистой простыне, начинался новый день. В комнате было солнечно и светло, все ночные страхи мгновенно улетучились вместе с этим явлением, только горящая люстра как-то неестественно выглядела при солнечном свете. Лейтенант мгновенно вскочил и выключил свет и ещё раз себя осмотрел. Всё было как обычно, никаких клопов, даже следов укусов не было видно. Тогда он с облегчением понял, что это всего лишь ужасный сон, на душе стало легко и свободно.

Погодин оперативно собрался и вышел из номера, было начало восьмого, но вчерашние хозяйки уже суетились и любезно предложили Роману чай и бутерброды. Он подумал, знают ли они про клопов, говорить им о том, как он провёл ночь, но они настолько радушно к нему относились, что у него язык не повернулся рассказать о ночном кошмаре.

Пока он завтракал, подъехало такси, чтобы отвезти его в Ак-Тепе. Покушав, Рома поблагодарил женщин, загрузил свои чемоданы в жигули шестой модели и, разместившись на правом от водителя сиденье, продолжил свой путь.

Если вчера из окна поезда он видел пустыню, то сегодня

его взору представилась долина оазиса, хлопковые поля сменялись виноградниками и ламинариями, по обочинам дорог росли кустарники, сады встречающих по дороге аулов были засажены фруктовыми деревьями. Вдалеке виднелись красноватые горы, недаром Ашхабад и его окрестности считаются лучшим местом в Туркмении, здесь находились всесоюзные курорты: горный санаторий Фирюза, Копетдагское водохранилище с уникально чистой водой, Бахарденские пещеры с подземными озёрами пресной воды и много других мест, рассказывающих об архитектуре, истории и культурном наследии Туркменистана.

Закончились виноградники и лимонарии, местность сменялась на более дикую, у подножия гор появились арочные укрытия, на возвышенностях – антенны зенитчиков. Погодин понял, что подъезжали к аэродрому. Со стороны гор он увидел пару истребителей, заходивших на посадку, в полку шли полёты. Через четверть часа шестёрка остановилась около контрольно-пропускного пункта гарнизона.

Семь дней в штабе и ещё почти четыре в пути... Только через одиннадцать дней Роман прибыл к своему первому месту службы. Сколько придётся ему здесь служить, никто пока не знал, бывает так, что офицеры служат в одном гарнизоне по двадцать лет и более, а потом ещё остаются там дальше жить.

Глава № 2. Ханджар, Янтак и поросёнок в придачу

После всех процедур и военных формальностей, доклада о прибытии командиру части, представлении его офицерам на совещании и всему личному составу на построении Роман должен был приступить к исполнению обязанностей заместителя командира технической роты по технической части или просто зампотеха. Но должность была не вакантной, её занимал капитан Каика Анатолий Владимирович: в части планировались большое перемещение офицеров на другие должности, его назначили, как говорили в таких случаях, «на голову», недостатками такого положения является потеря в деньгах, а впоследствии и в выслуге лет.

Но тем не менее лейтенант Погодин Роман Андреевич должен был исполнять обязанности зампотеха роты отдельного батальона аэродромно-технического обеспечения. Начальник автомобильной службы части капитан Болотов предложил молодому лейтенанту пока пожить в его двухкомнатной канцелярии в автопарке, главным преимуществом условий такого жилья был кондиционер, в офицерском общежитии они отсутствовали. Роман, ещё не знавший некоторых особенностей и не привыкший к комфорту, согласился, Болотов же убивал двух зайцев: он, пускай временно, но

обеспечивал жильём офицера и одновременно имел постоянного ответственного в автопарке. Лейтенант тогда ещё этого не понимал, он ещё многого не знал и всё принимал за чистую монету.

Болотов, возглавлявший автомобильную службу, отвечал за всю деятельность автомобильного хозяйства части, косвенно и за деятельность подразделений, хотя командиры рот подчинялись напрямую командиру части, а Болотову – только в части, касающейся вопросов, связанных с готовностью автомобильной техники, но как-то было принято, что комбат часто спрашивал всё с него, так ему было проще управлять всей автослужбой сразу.

Очень часто Болотов перед окончанием рабочего дня, хотя в армии это понятие довольно сомнительное, послав предварительно гонца за водкой в город и за закуской в столовую, собирал весь коллектив автослужбы у себя в канцелярии, в которой проживал Роман. За столом, как правило, обсуждались всякие вопросы, но часто связанные со службой. Погодин водку не пил, но участие принимал по необходимости, поскольку некуда было деваться, но зато, слушая разговоры опытных, прослуживших в разных регионах страны офицеров, быстро улавливал особенности и проблемы службы в частях обеспечения авиации.

Роман, присутствуя на такого рода совещаниях, не забывал, как на инструктаже в штабе воздушной армии начальник тыла армии говорил им:

– Это Средняя Азия, много всякой заразы, поэтому ешьте острые блюда, почаще принимайте душ, обязательно мойте руки перед едой сами и заставляйте, чтобы мыли руки ваши солдаты, выпивайте периодически сто граммов водки, она убивает плохих микробов в организме.

И, следуя этой рекомендации, когда, как обычно, коллектив требовал, чтоб он тоже выпил, Роман опрокидывал стопочку.

Но ни советы старших, ни выполнение рекомендаций начальника тыла не спасли его от плохих микробов, и через неделю после его прибытия в часть у него началась акклиматизация, как здесь называли эту болезнь. Срок её у всех примерно одинаковый, три дня поноса с белым стулом, что-то кушать в этот период бесполезно, любая пища вызывает тошноту и понос, организм без еды слабеет, постоянно кружится голова, ощущаются тошнота и постоянные позывы к туалету.

Средство от болезни хоть и не сразу, но всё-таки нашлось при довольно необычных и даже странных обстоятельствах.

На второй день акклиматизации ему стало совсем плохо, он весь день пролежал на койке пластом во второй комнате канцелярии, Болотова не было, он с утра куда-то уехал по заданию командира, а Романа почему-то никто за весь день так и не хватился.

Сам он выйти не мог, при попытке подняться с койки его начинало мутить так, что он в бессилии валился обратно и

впадал в забытье.

Весь день он ничего не ел, и к вечеру ему стало чуть лучше. Он решил, что сможет встать и выйти на улицу прогуляться. Была суббота, уже стемнело, и в автопарке никого не было, кроме наряда, находящегося в дежурке, размещённой в другом здании на выезде из парковой зоны.

Погодин с трудом поднял голову и сел, стараясь удержаться в таком положении. Подкатывала тошнота и сильно кружилась голова, в тёмной комнате он плохо видел, всё расплывалось перед глазами.

Чтобы включить свет, надо было встать, сделать два шага и дотянуться до выключателя, но, боясь упасть, Рома решил сначала накопить силы.

Вдруг он услышал, как дверь канцелярии в первую комнату открылась и кто-то тихо вошёл внутрь. Послышались осторожные тихие шаги, и через мгновение он увидел в проёме открытой второй двери бабая, ехавшего с ним в одном купе на поезде из Ташкента.

Было темно, но Погодин различил, что бабай был без чёток, но в халате чабана и с чёрной мохнатой папахой в руках, на голове у него была тубетейка.

– Как Вы здесь оказались? Вы же в Мары вышли, – чуть слышно проговорил Роман и повалился на койку, закрыв глаза.

Ему казалось, что он опять впал в забытье, но мозг работал чётко, он вспомнил, что понятие бабай, кроме старика и

аксакала, имеет ещё значение злого ночного духа, нечисти, приходящей с мешком за людскими головами.

Значит, в руках у него не папаха, а мешок, пронеслось в голове у Погодина.

Он попытался открыть глаза, чтобы увидеть колдуна, но не мог разлепить враз отяжелевшие веки. Роман, пытаясь отстраниться от нечисти, беспомощно задвигался на скрипучей койке, но, услышав негромкий, хрипловатый и почему-то знакомый голос с явным туркменским акцентом, затих.

– Ох, командир, командир, совсем, совсем плохой, совсем, совсем больной, потерпи немного, поверни чуть сюда голову.

Он почувствовал на своей голове руки бабая, которые стали её поворачивать в сторону двери.

Что он, сволочь, делает, вампир, вурдалак, как он сюда попал, металось в голове Погодина. Он попытался сопротивляться, но руки бабая оказались не грубыми и холодными, а мягкими и добрыми, как у врача, который когда-то лечил его от воспаления лёгких в далёком детстве, и он послушно повернул голову, как тот хотел.

От его рук шло тепло и Рома почувствовал облегчение, тяжесть в голове, сжимающая и давящая на виски, стала отдаляться и затихать.

Погодин собрался с силами, открыл глаза и сел на кровати так резко, что пружины военной койки закачались, издавая

скрипучие звуки.

В комнате горел свет, заставивший Романа тут же зажмуриться. Через мгновение, открыв глаза, он увидел сидящего перед ним на корточках пожилого мужчину с коричневым от загара знакомым лицом. Это явно был не бабай с поезда.

На старике был синий в полоску халат, который он в темноте принял за чабанский, а на голове обычная тюрбетейка, папахи в руках не было, но на полу стоял чёрный сосуд, напоминающий по форме кувшин.

Увидев, что Роман пришёл в себя, старик, повернув правую руку с оттопыренным к себе пальцем, сказал:

– Я Ханджар, плотник, автотэч (4) работаю.

Хрипловатый голос и сильный туркменский акцент сразу напомнили Погодину, где он его недавно видел.

Два дня назад он вместе с солдатами технической роты готовился к погрузке техники в ремонт, они искали деревянные колодки, оставшиеся от предыдущей разгрузки.

Безуспешно порыскав по боксам и кузовам стоящих на приколе машин (5), младший сержант Кушнир, вдруг спохватившись, сказал:

– Дед Ханджар нужен, он всё знает.

Два брата-молдаванина, близнецы Тимур и Никита, служившие в роте Погодина, понравились ему с первого дня знакомства: абсолютно одинаковые, различавшиеся только лычками (6) на погонах, они схватывали всё на лету, были

исполнительными и вежливыми.

Все называли их только по именам, что нестандартно для армейского коллектива, называть их по фамилии было просто бесполезно, они тут же одновременно отзывались и вносили путаницу.

Тимур был на минуту старше брата, он был командиром отделения взвода специальных машин, но у Романа возникало ощущение, что ему специально присвоили звание младшего сержанта, чтобы как-то отличать их друг от друга. Они этой осенью увольнялись в запас и уже успели пригласить Погодина на свои свадьбы.

– Отец, когда мы родились, закопал бочку вина под вишней, а когда мы уходили в армию, сказал, откопаю на ваши свадьбы, когда вернётесь, – гордо рассказывал Тимур.

– А что, и у тебя невеста есть? – спросил Роман Никиту, стоящего рядом со своим братом.

– Конечно, – ответил за брата Тимур, – у него Дана, а у меня Лена, они нас два года ждали, все глаза выплакали, – делая серьёзное лицо, добавил он.

– Поживём – увидим, – смеясь, ответил тогда Роман.

Услышав команду сержанта, бойцы пошли в сторону автотэчи. Погодин тоже направился за ними. Он ещё не успел познакомиться со всеми работниками автопарка.

Возглавляемые Тимуром солдаты прошли через центральные ворота ремонтного бокса и, завернув налево, открыли дверь небольшого помещения.

На деревянном полу к ним спиной сидел человек в выгоревшей добела техничке (7), бывшей когда-то песочного цвета, и что-то делал, ловко орудуя топором. Услышав, что открылась дверь, он крутнулся на корточках и легко встал с пола без всякой опоры, в руках он держал топор и небольшой деревянный, уже сформированный под какую-то фигурку чурбачок.

Это и был Ханджар. На вид ему было за шестьдесят, глубокие морщины прорезали его загорелое лицо, седые волосы виднелись из-под лихо надвинутой на затылок тибетейки, открывающей высокий лоб на приветливом, умном лице, из-под седых бровей на окружающих смотрели цепкие, тёмно-карие глаза, немного расплющенный нос и выразительные губы завершали его портрет. Рассматривая вошедших, он что-то жевал.

Он был невысокого роста и худощавого телосложения, что и объясняло лёгкий подъём с разворотом уже немолодого человека.

Ханджар, узнав Тимура, расплылся в улыбке, обнажив ровный ряд темноватых, но ровных зубов:

– Что тебе, Тимурка? – спросил он с сильным акцентом.

– Дедушка Ханджар, скажи, где у нас колодки, нам технику скоро грузить, – ответил младший сержант.

– На заднем двореке найдёте, – подсказал ему туркмен, он работал плотником и заведовал всем деревянным материалом в автопарке.

Солдаты ушли, а Погодин, зная, что они сами разберутся лучше него, что делать, остался, с интересом рассматривая чурбачок в руках старого туркмена.

– Что это будет? – спросил лейтенант, показывая рукой на деревяшку.

– Ложка, кушать, – ответил Ханджар.

– Покажи, как ты это делаешь, – попросил Погодин.

Романа это здорово заинтересовало. Его отец по специальности был столяром и тоже неплохо управлялся с топором, он видел как отец часто что-то мастерит, почти вся мебель в дедовом доме была сделана его руками, но такой ловкости работы топором в его руках он никогда не видел. Конечно, между столяром и плотником большая разница, плотник рубит дома, а столяр делает мебель, но профессии, казалось, схожие.

Ханджар молча уселся на корточки и начал дальше обрабатывать чурбачок, придавая ему форму ложки.

Увидев, что Роман внимательно наблюдает за ним, он что-то сначала сказал на туркменском, а потом с перерывами в работе проговорил на русском:

– Ложки надо строгать из корневища берёзы, в ней самая крепость и мягкость одновременно, меня русский учил, большой был человек.

Он вырезал бесспорно остро отточенным, но тяжёлым топором из деревяшки ложку так, как будто работал удобным специальным кривым ножом. Погодин внимательно наблю-

дал за ним.

Через десять минут, так же легко поднявшись с корточек, Ханджар протянул ему готовую деревянную ложку, аккуратно без заусенцев и зазубрин обработанную.

– Держи, командир, – сказал плотник, не переставая жевать.

Рома почувствовал от него слабый запах какой-то серы и спросил:

– Что ты жуёшь?

– Насвай (8), – просто ответил тот.

– Допинг, – улыбаясь сказал Рома, он уже знал, что насвай – это лёгкий незапрещённый в Средней Азии наркотик, который жуют в основном старики.

Узнав вошедшего к нему человека и наконец-то до конца убедившись, что это не бабай с мешком, он слабо поприветствовал его:

– Привет, Ханджар, – и протянул руку в сторону тумбочки, на которой лежала деревянная ложка, так умело вырезанная старым плотником.

Ханджар, убедившись, что Роман сидит на койке уверенно, взял с тумбочки ложку и налил в неё жидкость из чёрного кувшина.

– Выпей командир, – сказал он, поднося ложку ко рту больного.

Роман послушно глотнул содержимое ложки, почувство-

вав горечь.

– Что это? – спросил он.

– Янтак (9), верблюжья колючка, настой, – ответил плотник, – надо ещё, стакан есть?

Погодин, почувствовав небольшое облегчение, самостоятельно встал, открыл тумбочку и достал кружку, в которую Ханджар налил немного жидкости.

Роман залпом выпил горькую настойку, вздрогнув и покорчившись как от боли.

Он стоял и прислушивался к своему организму. В голове светлело, нескончаемое бурление в животе уменьшалось.

– Кувшин оставлю, пей, пей, не переставая, много пей, закончится, верблюжью колючку найдёшь, завари кипятком и опять пей, – услышал он голос стоящего рядом Ханджара.

– Спасибо, что помог, а то я уже подумал, кончаюсь, – пободревшим голосом сказал Погодин.

– От этого не умирают, организм привыкает, пойду я, командир, – ответил Ханджар, поворачиваясь к двери.

Они вместе вышли на улицу, и Роман, ещё слабый, покачиваясь, вдыхал и выдыхал вечерний прохладный воздух.

– Спасибо ещё раз, дедушка Ханджар, – крикнул он вслед уходящему старику.

Он был ему необыкновенно благодарен за то, что пришёл и так легко вылечил, поднял больного с кровати, прикоснувшись рукой и налив какой-то горечи.

Всё воскресенье он пропил янтак, заваривая его в трёх-

литровой банке, кипяча воду прямо в ней самодельным кипятильником, сделанным из двух лезвий для бритвы.

На четвёртый день, как раз в понедельник, Роман полностью выздоровел, он уже с обеда воскресенья кушал в лётно-технической столовой без последствий и после завтрака с удовольствием принял участие в чаепитии, устроенном женщинами бухгалтерии автослужбы.

Они ему и рассказали, что это Болотов направил к нему Ханджара, который лечит заговорами всех, кто к нему обращается, и что он даже тяжелобольных с постели поднимает.

Так начинались первые дни службы лейтенанта Погодина, а потом всё пошло, как обычно: аэродром, автопарк, казарма, вывод техники на полёты, ремонт техники в автопарке, работа с личным составом в казарме.

В конце августа Болотов отправил Романа в командировку за запчастями на Каршинские окружные склады – пришла разнарядка на дефицитное навесное оборудование карбюраторных двигателей и автобус ПАЗ для перевозки лётного состава.

– Получить надо срочно, в течение трёх дней, а то прапора-узбеки их своим отдадут, – объяснил начальник автослужбы.

На скорую руку подготовили пришедший во вторник с рейса грузовой КамАЗ с опытным водителем сержантом Сергеем Литовко, взяли водителя на автобус и втроём после обеда в среду выехали на склады. Расстояние от Ашхабада

до Карши больше тысячи километров, решили первую часть пути – триста километров – пройти в среду, остальные во-семьсот – в четверг, в пятницу получить имущество и в суб-боту выехать обратно в часть.

В среду до темноты проехали только двести пятьдесят ки-лометров, заночевали в кишлаке, находящемся в пятидеся-ти километрах от Мары. Литовко спал в кабине, а Роман с водителем автобуса Андреем Кирсановым – в кузове на мат-расах.

В четверг выехали с первыми лучами солнца с целью пройти паром засветло. В августе темнеет раньше, часов в девять, паром через Сырдарью в тёмное время не ходит, ре-ка к концу лета становится мелкой, пересохшей, вероятность сесть на мель велика, тем более ночью.

Быстро перекусив, двинулись в путь, до переправы через Каракум канал в Мары шли хорошо больше сотни, но на мо-сту застряли, потеряли часа полтора, было много тяжёлых машин, пробка растянулась километров на пять.

В Репетеке, центре Каракумов, остановились перекусить. Это было единственное место в пустыне, где есть вода и есть чайхана, цены зверские, но деваться некуда, многие проезжие обедают здесь. Руководил тут всем здоровый тол-стый туркмен с наглой рожей, но готовили здесь хорошо, а это немаловажный фактор для водителей, которые проводят полжизни за рулём.

Мальчишка туркмен принёс актепинцам (10) три порции

самсы и чайник зелёного чая с леденцами. За обедом Литовко предупредил, что если будем опаздывать на паром, можно сократить дорогу, поехав через пустыню, но Роман, хотя и недавно прибыл в Туркмению, понимал, что через пустыню ехать опасно.

Гнали КамАЗ, торопясь успеть на крайний паром, но было ясно, что уже не успевали. Не успеем на паром – не успеем в пятницу на склады, в субботу имущество могут не выдать, придётся сидеть там выходные, прикидывал Погодин. И тут он вспомнил про то, что говорил сержант.

– Расскажи про объезд, что за дорога? – спросил Роман.

– Поздновато, конечно, но можно резануть сотенку, – сказал Литовко.

– Давай, – решил Роман, – чему быть, того не миновать.

Когда до Чарджоу оставалось километров двести, сержант свернул с трассы на грунтовку, которая проходила среди песчаных барханов, заросших саксаулом, дорога была накатана и выглядела вполне прилично.

– Раньше по ней щебёнку возили с парома, когда дорогу строили, – улыбаясь, сказал сержант.

Роману сержант Литовко не нравился, уже почти дембель, он вёл себя нагло, выражая определённое превосходство перед лейтенантом, знал, что и как делать, куда и как ехать.

Солнце клонилось к закату, стрелка часов была на отметке без четверти восемь, на грунтовке появились песчаные заносы, водитель скинул скорость до шестидесяти, местность

стала более ровной, барханы с саксаулами сменились голым песком с клубками верблюжьей колючки.

Проехали ещё полчаса, встречных машин не встречалось, сержант подвёл итог:

– Осталось километров пятьдесят, должны успеть.

Дорога шла чуть на подъём. Сергей вел машину уверенно, чувствовались опыт и какая-то лихость, которая всегда присутствует у уверенных в себе и своём автомобиле водителей. Впереди показался поворот, довольно резкий, занесённый песком, Литовко вынужден был скинуть скорость КамАЗа почти до нуля, машина остановилась, сержант дал газу, грузовик чуть дёрнулся вперёд и остался на месте. Сержант ещё раз газанул, КамАЗ опять дёрнулся вперёд и резко остановился.

– Что за чёрт, – вскрикнул Литовко, посмотрел в зеркало заднего вида, и с удивлением произнёс: – А колёса-то стоят.

Подёргавшись на месте без толку ещё какое-то время, сержант поставил рычаг коробки передач на нейтраль и спрыгнул на землю. Роман с Кирсановым тоже вылезли из машины, Литовко был уже под машиной в районе среднего моста.

– Скорее всего, что-то с поросёнком (11), мост заклинило, – изрёк Сергей.

Поросёнком в КамАЗах называют межосевой дифференциал, передающий крутящий момент от среднего моста к заднему посредством карданного вала, внешне по форме и размерам он напоминает зажаренного молочного поросёнка

на столе.

– Надо его снять, хотя бы на среднем дотянем до Каршей, – изрёк Литовко.

В пустыне быстро темнело, наверное, было уже около девяти вечера, о пароме думать было бесполезно, самим хотя бы выбраться отсюда надо, подумал Роман.

Сержант вместе с Кирсановым подтащили переноску, принесли домкраты и начали поднимать средний мост, домкрат, не имея опоры, сразу полностью утонул в песке, подложили под него колодку – ушёл в песок вместе с ней, пытались под него что-то подложить – бесполезно.

– Надо снимать борт или доски с кузова подкладывать, – подытожил Литовко.

Промучились с подъёмом моста до полной темноты, все перепачканные в мазуте и грязи бойцы вылезли из-под КамАЗа. Дифференциал не выходил из зацепления, клинил главную передачу среднего моста, не давая ей вращаться.

Что-то делать в темноте было бессмысленно.

– На сегодня всё, сейчас чуть перекусим и спать, завтра утром продолжим, – сказал Роман.

Литовко с Кирсановым начали отмываться солярой, технической воды была всего одна двадцатилитровая канистра, её сэкономили, питьевой воды – три фляжки и шесть сухих пайков, вот весь запас, а сколько им здесь ещё торчать, было неизвестно, до ближайшего населённого пункта или парома было шестьдесят км, в пустыне днём может быть до пятиде-

сяти жары, дорога оказалось неезженной, по ней сегодня за четыре часа никто не проехал.

Проспали часов до шести, сказались усталость и заботы второго дня, позавтракали перловкой с тушёнкой, разогрев банку прямо в песке: уже начинало припекать, ночью температура опустилась до плюс тридцати, но с ветерком было комфортно. За дело взялись дружно: сняли борта, вытащили часть досок из пола кузова, после подготовки начали поднимать средний мост машины, чтобы вывести дифференциал из зацепления главной передачи.

Проваландались три часа – бесполезно, домкраты не работали, один потёк, другой был сломан изначально, как оказалось, вытащить поросёнка из передачи тоже не получалось, в натяг он не хотел выходить из зацепления даже на миллиметр. Солнце поднималось к зениту, палило нещадно, грязные, изнывающие от пустынного зноя, с намотанными на голову для защиты от солнечного удара майками вояки к обеду отупели настолько, что просто ползали около машины, пытаясь что-то изобразить.

Роман понял, что это всё, и решил немного отдохнуть. Бойцы с готовностью залезли в тень под наклоненные на кузов снятые борта, Погодин тоже влез в тень, прижавшись спиной к колесу, резина не так нагревалась, как металл. Сидя в тени, он думал, что ничего они не сделают, и к вечеру надо двигать пешком на паром, иначе они здесь зажарятся живьём или схватят солнечный удар все разом.

Его пугала ещё одна опасность, про которую они легкомысленно забыли. Пока ребята работали, он ушёл с дороги, отклонясь метров на десять в пустыню, местами на песке вцепившись в него корнями, росла высохшая верблюжья колючка, образуя клубок ветвей. Проходя мимо одного из них, он скорее уловил, чем увидел, как в сторону что-то резко кинулось, сворачиваясь в кольца. Роман с ужасом понял: змея, спасибо, что он на неё не наступил и она сама его боится. Змея была светло-коричневой, небольшого размера, это была эфа, они в пустыне Каракумы более распространены, чем кобры, но яд её более ядовит, чем известной рептилии, укус её смертелен: если в течение двух часов не вколоть в организм человека сыворотку, он труп.

Роман мгновенно очутился на дороге, его трясло, но бойцам он решил ничего не рассказывать, потом как-нибудь, но тут же их предупредил, чтобы с дороги не уходили, если кому в туалет, то с другой стороны машины.

Сейчас, сидя в тени, он опять вспомнил об эфе и почувствовал озноб, взял себя в руки и, успокоившись, стал опять перебирать все возможные варианты по поднятию среднего моста без домкрата, но в мозгу крутился всего один единственно возможный: поднять средний мост без домкрата можно, наехав им на возвышенность, тогда задние колёса опустятся, сняв нагрузку с заднего моста, и ослабитесь зацепление дифференциала. Но где найти такую возвышенность и как на неё наехать: насыпать её в из песка тоже невоз-

можно даже в пустыне. И тут вдруг его осенило: надо подложить лесенкой снятые борта под колёса среднего моста, закрепив колодками колёса сзади, и дёрнуть КамАЗ вперёд, средние колёса чуть поднимутся на борт, и на мгновение задний мост провиснет, раскрученный в креплениях фланцев поросёнок выйдет из зацепления, дав возможность средним колёсам ехать дальше, они въедут выше на борта, и дифференциал полностью отсоединится, свалившись вниз.

Всё гениальное просто: обнаруженная плесень под названием пенициллин победила чуму и многие неизлечимые болезни; кристаллизация селитры привела к открытию пороха; простейшие конструкции, сваренные из шпал ежи, выполняют сложнейшие задачи по закрытию проходов мощным танковым армадам.

Как он сразу не догадался? Столько времени и сил потеряли, думал Роман. Он тут же изложил свою инженерную мысль Литовко и Кирсанову. Воины, забыв про усталость, кинулись готовить испытания: уложили три борта лесенкой с одной стороны колеса, колодки с другой и подготовили рычаги для лейтенанта и Кирсанова, чтобы толкать машину ещё и вручную, помогая ей.

Литовко сел за руль, завёл двигатель, спросил Романа:

– Рывком или в натяг?

– Нет, давай, как обычно трогаешься, – подумав, ответил

Погодин.

Если рывком, то борта могут сдвинуться, а в натяг мост

медленно потянет за собой дифференциал, сообразил лейтенант.

Сержант начал отпускать сцепление, и колёса среднего моста рванулись как обычно, но поднялись выше, что дало возможность чуть выйти из зацепления вала дифференциала, и начали проворачиваться, чего раньше не было. Почувствовав это движение, Литовко на мгновение задержал ход и затем легонько двинул КамАЗ вперёд. Средний мост начал подъём на камазовские борта, и в это время между мостами раздался металлический стук – это поросёнок упал на металлический борт КамАЗа.

– Получилось, ура! – заорали в один голос актепинцы.

Литовко немного проехал вперёд, освободив снятые борта, уложенные лесенкой. Бесспорно, сержант был опытейшим водителем.

Радости у всех не было конца, мученья, вызванные жарой и неизвестностью, закончились, и, уже не обращая внимание на палящее солнце, начали собираться, закрепили борта на кузове, закинули снятые с пола доски, домкраты и неисправный поросёнок.

– Не торопитесь, – остановил их Роман, – его надо разобрать, снять с него вал и пустой поставить на место, иначе без него нигрол (11) с мостов вытечет при движении.

Провозились до шести вечера, но теперь собрав и сделав всё, что можно, двинулись в путь на паром, остановились у берега Сырдарьи, долго с наслаждением купались в её мут-

ных водах, отмывались от мазута, грязи и всего вместе пережитого.

Погодин решил переждать выходной здесь, около реки. Вечером переправятся через реку, переночуют уже в Узбекистане и рано утром рванут в Карши, только, конечно, рвануть не получится на одном мосту, но ничего, часа за четыре-пять доберутся, получают имущество и автобус. Но первым делом надо найти дифференциал за любые деньги и поставить его на КамАЗ. Роман планировал за бочку соляры с прапорами-узбеками договориться, при необходимости отдаст две, топливо взяли с запасом, хоть где-то попали, на обратный путь он дозаправится по чек-требованию – в городе базировались окружные склады ГСМ.

КамАЗ загнали в высокую осоку в тень под опоры моста, обустроили место привала, разожгли костерок из прихваченного в пустыне сухого саксаула и сухой осоки, росшей по всему берегу Сырдарьи, поели досыта консервов и завалились спать.

Утро и день прошли спокойно в ленной сытости и томлении после купаний, вечером переправились через реку и без остановки поехали сразу в Карши. Спать не хотелось, днём отоспались, прибыли ровно в девять утра после развода складских подразделений.

После сдачи накладных начальнику отдела Погодин с Кирсановым хотели выбрать автобус сами, но в бокс их не пустили и выгнали первый попавшийся. Роману он понравился.

вился, и он оставил Андрея принимать его дальше, а сам пошёл в боксы для приёма запчастей, куда Литовко загнал свой КамАЗ. Там его уже ждал пожилой прапорщик-узбек.

– Вашу проблему знаем, поможем, но бочки мало.

– Бери половину второй, – вступил в торг Погодин.

– Не, соляр не нужен, бензин нужен бочка или давай пятьдесят рублей.

– Вы вроде узбеки, а не евреи, – удивился Роман.

Деваться было некуда, после не очень долгих торгов порешили: сломанный дифференциал и два плохих домкрата они поменяют на новые за бочку соляры и почти полную бочку бензина, взятую для перегона автобуса.

– В автобус зальём только литров пятьдесят, до складов должно хватить, – изложил Роман Литовко.

Все дела закончили только в самом конце дня, уже вечером выгнали две машины на специальную стоянку и разбрелись по машинам. Роман спал на матрасе в прохладном кузове, Литовко – в кабине КамАЗа, Кирсанов – в своём автобусе.

Утром, заправившись на складах, актепинцы двинулись в обратный путь и в среду к исходу дня подъехали к воротам своего автопарка.

Роману, конечно, пришлось объясняться за четыреста излишне израсходованных литров топлива, брать на свою роту списание соляры и бензина, но что это было в сравнении с тем, что они выполнили задачу, прибыли без потерь и вы-

жили в жаркой пустыне! Он жалел только об одном: что не успел заехать к своему другу Лому, и поклялся, что в следующую командировку обязательно встретится с ним.

Для Романа это было первое крещение в его будущей нелёгкой, но многогранной и интересной офицерской судьбе.

Глава № 3. Там, где цветёт саксаул

Туркменистан, или бывшая Туркменская Советская Социалистическая Республика, занимает огромную территорию в 1560 тысяч квадратных километров на карте мира, но большая её часть – это безжизненная пустыня Каракумы.

Только в нижней части страны расположена цепь оазисов вдоль Каракумского канала, построенного в советское время. В этом оживлённом месте проходит железная и автомобильные дороги, там же и расположены четыре областных города: это Ашхабад, Красноводск, Мары и Чарджоу, пятый областной город Туркмении, Ташауз, находится в верхней, северной части государства.

Ашхабад – столица, Красноводск – на Каспии, Чарджоу – почти граница с Узбекистаном, Ташауз – где-то наверху по карте, и только Мары хочется назвать центральным городом каракумской пустыни.

Он находится в юго-восточной части страны и назван в честь города Мерв в переводе с персидского языка, древнейшего города Центральной Азии, основанного за два тысячелетия до нашей эры, бывшей столицы персидской сатрапии Маргиана и государства Сельджуков.

Руины, оставшиеся от него, являются заповедной зоной на территории современной Туркмении и представляют собой памятник Всемирного наследия человечества.

Современный город Мары, расположенный на берегах реки Мургаб, находится в тридцати километрах от заповедника и является одним из крупных промышленных центров и оазисов Туркмении.

Именно здесь в центре пустыни Каракумский канал соединяется с Мургабом и создаёт условия для поливного земледелия, способствующего выращиванию хлопка, развитию плодоводства и виноградарства.

Здесь же выращивают пшеницу, ячмень, кукурузу, овощные, бахчевые и кормовые культуры, развито овцеводство и коневодство.

В далёком 1985 году, который прославился приходом к власти Горбачёва, объявившего о двух таких новых для СССР направлениях, как перестройка и борьба с пьянством, город ещё не успел достигнуть такого развития.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.